

П. Ламбин

**Славяне на Северном
Черноморьи**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П. Ламбин**
Славяне на Северном Черноморьи / П. Ламбин – М.: Книга по Требованию,
2012. – 76 с.

ISBN 978-5-4241-6747-8

ISBN 978-5-4241-6747-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

совсѣмъ не упоминаеть о народѣ такого имени въ описаніи Славянскихъ племенъ, и сказываетъ, что Игорь взялъ древлянскую дань себѣ, а не для Свѣнелда, и что онъ еще увеличилъ ее: „Прини- шляше къ первой дани“ (Ист. Гос. Росс., I, прил. 362).

То, что Карамзинъ высказалъ только предположительно, что ему только *казалось*, признано, вслѣдствіе довѣрія къ заслуженному и въ авторитету, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, за дѣло рѣшен- ное, за истину, вполнѣ доказанную, въ которой теперь никто, ка- жется, не сомнѣвается. Правда, покойный Надеждинъ, въ статьѣ „О мѣстоположеніи древняго города Пересѣченъ“ (*Записки Одесск. Общ. Ист. и Древн.*, I, 243—256), пытался оспорить мнѣніе исторіо- графа; но его доводы и опроверженія, вообще шаткіе и слабые, ко- торые мы рассмотримъ въ своемъ мѣстѣ, кажется, никого не убѣ- дили. По крайней мѣрѣ, сказаніе о войнѣ Свенелда съ Угличами, заподозрѣнное Карамзинымъ, доселѣ продолжаютъ вычеркивать изъ русской исторіи, или робко отводить ему мѣсто между извѣстными сомнительными, почерпнутыми изъ неизвѣстнаго источника. Такъ и проф. Соловьевъ не отважился включить его въ число „пяти пре- даній, занесенныхъ въ лѣтописи о дѣлахъ Игоря“, но приводитъ его въ концѣ повѣствованія объ этомъ князѣ, только для объясненія причины богатства Свенелдовыхъ отроковъ (Исторія Россіи, I, 117). Посему вопросъ: Нестору ли, или *новѣйшему автору* принадлежить извѣстіе объ Угличахъ, необходимо подвергнуть тщательному разбору. Мы рассмотримъ сперва—дѣйствительно ли это извѣстіе противорѣ- чить сказаніямъ Нестора, какъ утверждалъ Карамзинъ, а потомъ постараемся указать внутреннія, логическія примѣты, по которымъ оно, какъ намъ кажется, не можетъ не принадлежать Нестору.

Первый поводъ къ сомнѣнію Карамзинъ нашелъ въ самомъ имени народа—*Угличи*. Такого народа дѣйствительно нѣтъ между племе- нами, поименованными въ начальныхъ сказаніяхъ Нестора, но развѣ отсюда слѣдуетъ, что Угличи — народъ „мнимый“, и что извѣстіе о нихъ подъ 913 годомъ „*несоласно* съ показаніемъ Нестора“?... Вѣдь у Нестора, въ его начальныхъ сказаніяхъ, нѣтъ также и *Суличей*, однако же Карамзинъ, погубивъ ошибочному чтенію одного только *Рдз.* списка: „а съ Суличи“, вмѣсто „а съ Уличи“ прочихъ списковъ, ни мало не затруднился признать этотъ небывалый народъ дѣйстви- тельно существовавшимъ (Ист. Гос. Росс., I, 127, прим. 301), даже вопреки ясному свидѣтельству лѣтописца, что по Деснѣ, Семи и Сулѣ жили Сѣверяне. Если онъ считалъ возможнымъ допустить, что

отдѣльная отрасль Сѣверянъ, жившая по Сулѣ, получила въ послѣдствіи названіе Суличей, то почему же было не допустить, что другая подобная же отрасль того же или другаго славянскаго племени, жившая въ какомъ-нибудь углу, образуемомъ слияніемъ рѣкъ, получила названіе Угличей? Составля же частное названіе какого-нибудь народца, имя „Угличи“, разумѣется, и не могло быть упомянуто у Нестора при исчисленіи главныхъ, коренныхъ племенъ Славянскихъ, какъ не упомянуты имена Пищанцевъ, Засаковцевъ и другія, появляющіяся въ послѣдующихъ его сказаніяхъ.

Но предположивъ даже, что Угличи составляли одно изъ коренныхъ, самостоятельныхъ племенъ Славянскихъ, мы и въ такомъ случаѣ

именно подъ 884 годомъ, гдѣ сказано, что Олегъ „съ Уличч (со Уличи, съ Суличч) и Тѣверцы имаше рать“ (Др., стр. 10). Замѣтимъ, что и въ сказаніи подъ 913 г., по крайней мѣрѣ въ одномъ спискѣ, конечно, позднѣйшемъ и мало заслуживающемъ довѣрія, именно въ Архангелогородскомъ, написано *Уличч*, вмѣсто Угличч прочіихъ списковъ. Слѣдовательно, весьма возможно, что или чтеніе „Угличч“ возникло изъ правильнаго „Уличч“ подъ перомъ переписчика, у котораго, при этомъ, можетъ быть, вертѣлся въ головѣ городъ Угличъ на Волгѣ, или на оборотъ, изъ правильнаго чтенія „Угличч“, вышло „Уличч“, чрезъ опущеніе буквы *г*, какъ случайная описка. И дѣйствительно, какъ то, такъ и другое изъ этихъ предположеній имѣютъ защитниковъ между нашими историками и изслѣдователями, то-есть, признавая чтенія: *Уличч*, *Суличч*, *Лутичч*, *Уличч* и проч. за одно и то же народное имя, одни считаютъ первоначальною формою этого имени *Уличч*, а другіе — *Уличч*. Такъ уже Шлецеръ въ своемъ „Несторѣ“ (Th. IV, S. 4) выразилъ догадку, что чтенія *Уличч*, *Суличч* и *Уличч* могутъ впослѣдствіи оказаться вариантами одного и того же имени; Карамзинъ (т. I, прим. 301, 362), назвавшій Уличей въ одномъ мѣстѣ Лутичами, а въ другомъ Суличами, допускалъ, что и подозрительное для него *Уличч* можетъ быть описка вмѣсто *Суличч*; Шафарикъ же (Слав. Древн., перев. *Бодянскаго*, т. II, кн. I, стр. 207) полагаетъ, что правильное имя этого народа есть *Уличч* или *Уличч*, и что *Суличч*, *Уличч*, *Лутичч* и всѣ прочія чтенія суть описки. Напротивъ того, Падеждинъ старается увѣрить, что настоящее имя спорнаго народа должно быть не *Уличч*, которое, по его замѣчанію, „не имѣетъ никакого смысла на славянскомъ языкѣ“, а *Уличч*,—потому, что это имя происходитъ отъ названія мѣстности на берегу Чернаго моря между устьями Днѣстра и Дуная, мѣстности, которая уже въ VII вѣкѣ, по свидѣтельству византійскихъ писателей, называлась на языкѣ туземцевъ *Ἰγγλος*; или *Oglus*, то-есть *Уль* (Уголь), и которая отъ Татаръ, вслѣдствіе перевода ея славянскаго имени, получила названіе *Буджака*. „Отъ страны“, замѣчаетъ онъ—, весьма естественно занимали имя свое и народы, которымъ ова доставалась на долю. Татары, очевидно, по Буджаку назывались Буджаками, то-есть Угловыми. Славяне, предшествовавшіе имъ, должны были называть себя не иначе, какъ Угличами“ (*Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.*, I, 252). На эту же мѣстность, еще прежде Падеждина, указывалъ уже Вутковъ (Оборона лѣт. Нест., стр. 259), какъ на жилище Улучей, которыхъ онъ потому и

привнаеть за Угличей. Профессоръ Соловьевъ (Ист. Росс., I, 46, и прим. 45) также считаетъ *Уличы* за правильное имя, вмѣсто *Улучи*. Но изъ того, что указанная мѣстность называлась на языкѣ туземцевъ *Уломъ* (Ογγλος, Oglus), по нашему мнѣнiю, необходимо слѣдуетъ только то, что эти туземцы были Славяне; утверждать же, что они „должны были называть себя не иначе, какъ Угличами“, — имѣть основанiя. Они, конечно, *могли* называться Угличами, но могли называться и иначе какъ-нибудь, ибо не всегда народы принимаютъ имя отъ страны, ими обитаемой, а чаще сообщаютъ странѣ свое имя. Впрочемъ, дѣло не въ томъ, какъ называли сами себя эти славянскiе обитатели черноморскаго Угла, позднѣйшаго Буджака, а въ томъ, знаетъ ли ихъ Несторъ, и какъ онъ называетъ ихъ въ своей лѣтописи?

Хотя капитальное мѣсто Нестора о черноморскихъ Славянахъ (Др. стр. 5), къ сожалѣнiю, испорчено во всѣхъ нашихъ спискахъ, однако, посредствомъ тщательнаго сличенiя и разбора ихъ разнорѣчивыхъ показанiй, можно еще возстановить его первоначальную редакцiю, которая долженствовала быть, по всей вѣроятности, слѣдующая: „а Ульци ¹⁾ и ²⁾ Тивьрьци ²⁾ сѣдяху по Бугу и по Днѣстру, и присѣдяху къ Дунаеви, и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по Днѣстру оли до моря ⁴⁾; суть гради ихъ и до сего дне ⁵⁾, да тося зоветь отъ Грекъ Великая Скиоь“ ⁶⁾.

1) Уличи *Лавр. Рад. Трн.* Улучи *Ив.* уличи *ПС. такъ и Др. подл. 884 г.* лутичи *Сф. Ср. Тв.*, лютичи *ПН. Лавр. У Шлецера* указаны еще варианты: лутчи, глутичи, лучане.

2) (—). *Др. ПС.* Опущенiе союза и отстригается и во множествѣ другихъ мѣстъ, когда предыдущее слово, какъ здѣсь, кончается на и.

3) Тиверци *Др.*, тиверци *ПС.*, Тиверичи *Сф. Ср. Тв. Льв.*, Тиверци, Тиверци. *ПН.* Въ другихъ мѣстахъ варианты того же имени: Тѣверци, Тиверяци, Тивяреци, Тивирци, Иверци; а у *Шлецера* еще: Тирвоци, Твирци.

4) Сѣдяху бо до Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру или до моря, *Лавр.*; сѣдяху по бугу и по днѣстру, и

присѣдяху къ дунаеви, и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по бугу и по днѣпру или до моря *Ив.*; сѣдяху по бугу и по днѣпру или до моря, *Рад. Трн.*; присѣдяху къ дунаеви, и бѣ множество ихъ, сѣдяху по днѣстру нолны до моря *Сф. Ср. Тв. ПН.*; сѣдяху по бугу и по днѣстру и до дуная, и бѣ множество ихъ и до моря *ПС.*; около дуная (*соед. съ предыдущимъ, предполож.*), множество же ихъ поселилось по днѣстру даже до моря *Льв.*

5) и есть градъ ихъ и нынѣ сны *ПС.*, тутъ и грады ихъ даже и до сего дне *Льв.*

6) такъ *Сф. Ср. ПН, Тв.*; да тося зваху (=и звахуся) отъ грекъ великая скуфъ *Др.*; грекове бо зваху ихъ скуфъ великая *ПС.*; сн иси отъ грекъ зовутся великая скифия *Льв.*

Чтенія нашихъ списковъ, приведенныя здѣсь со всевозможною точностію, могутъ служить образчикомъ того произвола, съ какимъ позднѣйшіе компиляторы хозяйничали съ сказаніями Нестора. Ни одинъ изъ нихъ не списалъ этого мѣста буквально, но каждый счелъ за нужное или пропустить что-нибудь, или переименовать, думая, вѣроятно, написать лучше, яснѣе, короче, чѣмъ въ оригиналѣ. Впрочемъ, чтеніе *Ипатскаго* списка здѣсь, очевидно, исправнѣе прочихъ, и по логическому смыслу довольно близко къ подлинному. Оно представляетъ только два значительныя искаженія: а) „по Днѣбуру (вар. 4)“, вмѣсто общаго большинству списковъ „по Днѣстру“, которое, вмѣстѣ съ предыдущимъ „по Бугу“, въ подлинникѣ должно было быть написано непремѣнно дважды, что очевидно изъ самыхъ разнорѣчій нашихъ списковъ, и б) „ся зваху“ (вар. 6), вмѣсто „ся зоветь“, которое оказывается здѣсь единственно правильнымъ, потому что Несторъ, какъ современникъ Грековъ, долженъ былъ поставить глаголъ въ настоящемъ времени, и притомъ въ единственномъ числѣ, ибо Великою Скиоіей называли страну, а не племена, ее населившія.

И такъ, Нестору дѣйствительно извѣстны были два многочисленныя славянскія народа, которые еще въ исходѣ IX вѣка (ибо Олегъ восвалъ съ ними въ 884 г.) населяли черноморскую равнину по Бугу и по Днѣстру, простираясь до самаго морскаго берега и на юго-западъ до нижняго Дуная, слѣдовательно, занимая и ту мѣстность, которая называлась нѣкогда *Уломъ*. Но трудно сказать утвердительно, какъ въ подлинникѣ Нестора написаны были имена этихъ народовъ, различно читаемыхъ въ нашихъ спискахъ. Шафарикъ полагаетъ, что народы эти назывались *Уличы* и *Тиверцы*, и что послѣдніе были обитатели береговъ Днѣстра, древняго Тираса (Слав. Древн., т. II, кн. 1, стр. 211). Самое имя Тиверды дѣйствительно указываетъ на *Тирасъ* (Τύρας, Τύρας, Туга), названіе Днѣстра у Геродота и другихъ древнихъ писателей; но это рѣчное названіе, вѣроятно, не греческаго происхожденія, а варварское огреченное, котораго славянская форма—если принять *о* за *и*—могла быть *Тиверьъ*, *Тивьрьъ*, или *Тивьра*. Отсюда этимологически правильное народное имя у Нестора, вѣроятно, было *Тивьрьичи*, въ ед. ч. *Тивьрецьъ*, которое подъ перомъ переписчиковъ, вслѣдствіе пропуска полугласныхъ, или замѣны ихъ гласными *е* и *и*, легко могло породить всѣ указанныя выше варианты нашихъ списковъ. Что же касается другаго народнаго имени, то можно съ вѣроятностію полагать, что первоначальная форма его

была *Улци*, въ един. ч. *Улецъ*, подобно *Подомци*, *Подолецъ*, *Уральци*, *Уралецъ*. По крайней мѣрѣ, изъ *Улци* можно весьма естественно объяснить происхожденіе вариантовъ *Улци*, *Улчи* и *Улучи*, а это послѣднее чтеніе, чрезъ графическую форму *Улутчи*, легко могло обратиться въ *Улутичи*, которое, въ свою очередь, утративъ начальное *у*, вслѣдствіе вліянія предыдущаго союза *а*, выродилось въ *Лутчи*. *Лутчи*: то-есть изъ неблагозвучнаго чтенія *Ии си*

корня *ул*, даютъ, отчасти, право предполагать, что въ древнѣйшемъ языкѣ существовало нѣкогда и коренное, первообразное слово *уль* или *уло*, которое, судя по логическому значенію своихъ производныхъ, могло означать пространную, открытую мѣстность, равнину, степную полосу земли, и слѣдовательно, могло служить нарицательнымъ именемъ, совершенно приличнымъ для черноморской равнины. Если жъ эта равнина называлась *Уломъ*, то обитатели ея могли, по такому же точно праву, называться *Ульцами* или *Ульчанами*, какъ обитатели какого-нибудь *ула*—*Ульчанами*.

Но если мнѣніе тѣхъ, которые у Нестора въ начальныхъ извѣстіяхъ о Славянахъ и подъ 884 годомъ хотятъ читать *Ульчи* вмѣсто *Умичи*, оказывается несостоятельнымъ, то съ другой стороны, нельзя согласиться и съ Шафарикомъ будто въ сказаніи подъ 913 годомъ имя *Умичи* есть описка—вмѣсто *Ульчи* (Слав. Др., т. II, кн. 1., стр. 210). Конечно, такую описку или поправку, то-есть, замѣну имени непонятнаго понятнымъ и знакомымъ для переписчиковъ, допустить легче, чѣмъ противоположную; но если изъ двадцати списковъ, содержащихъ въ себѣ это сказаніе, только одинъ Архангелогородскій имѣетъ *Ульчи*, во всѣхъ же прочихъ дважды повторяется *Умичи*, и притомъ безъ всякихъ значительныхъ вариантовъ, то отвергать такое почти единогласное свидѣтельство безъ крайней надобности и безъ всякаго достаточнаго основанія было бъ явное самоуправство, тѣмъ болѣе недозволительное, что Угличи не только по имени, но и по самому мѣсту жительства отличены отъ Ульцевъ. О нихъ въ нашемъ сказаніи замѣчено только, что они „бѣша сѣдяще по Днѣпру внизъ“, между тѣмъ какъ объ Ульцахъ говорится, какъ мы уже выше объяснили, что они и Тивърци сидѣли по Бугу и по Днѣстру до самаго моря и низовьевъ Дуная, и что ихъ было множество. Хотя здѣсь жилища Ульцевъ и Тивърцевъ не обозначены въ отдѣльности, однако, судя по самому порядку, въ какомъ поименованы эти два народа и двѣ рѣки, служившія средоточіемъ ихъ жилищъ, равно какъ и по вѣроятности происхожденія имени *Тивърци* отъ древняго названія Днѣстра — Тирасъ (Тѣрасъ Тивъръ), мы въ правѣ помѣстить Ульцевъ по Бугу до самаго моря, а Тивърцевъ по Днѣстру также до моря, и дагѣ на юго-западъ до нижняго Дуная.

Слѣдовательно, еслибы въ сказаніи подъ 913 годомъ дѣло шло не объ Угличахъ, а объ Ульчахъ, какъ полагалъ Шафарикъ, то-есть, еслибы въ немъ первоначально было написано: „и бѣша сѣдяще *Умичи* по Днѣпру внизъ“, то это показаніе было бъ явно не согласно

съ предидущимъ показаніемъ, по которому Уличи (Ульци) сидѣли по всему теченію Буга до моря, то-есть, до Днѣпровскаго лимана, и притомъ были народъ многочисленный, чего никакъ нельзя сказать о народѣ, котораго жилища обозначены, такъ сказать, одною только точкою— „по Днѣпру внизъ“.

Наконецъ, имя *Уличи* еще и потому не можетъ быть опискою подъ 913 г., что оно повторяется еще и въ другомъ мѣстѣ, и также почти безъ вариантовъ; а именно, въ большинствѣ тѣхъ же позднѣйшихъ списковъ (*Сф. Ср. Тв. Льв. Арх. ПШл.*) говорится, что Аскольдъ и Диръ, оставшись въ Кіевѣ и собравъ сюда много Варяговъ, начали владѣть Полянскою землею, „и бѣша ратни съ Древланы и съ *Уличи*“ (со Югрецы *Арх.* со Угличаны *Льв.*). Это извѣстіе, также заподозрѣнное Карамзинымъ, уже рассмотрѣно въ нашей статьѣ: „Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси“¹⁾. Мы уже видѣли, что пропущенное въ древнихъ спискахъ выраженіе: „и бѣша ратни съ Древланы и съ Угличи“ несомнѣнно должно принадлежать не только къ тексту лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси, но и къ тексту той *официальной записки*, которою пребывавшая въ Кіевѣ византійская миссія извѣстила свое правительство о первыхъ завоеваніяхъ Олега, и которую Несторъ, нашедъ въ черновой или въ копіи между актами давно упраздненной миссии, включилъ отдѣльными сегментами въ свою „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, между 6360 и 6393 годами, въ перемежку съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ. Если же въ этой современной запискѣ упоминается объ Угличахъ и Ульцахъ, какъ о двухъ отдѣльныхъ народахъ, изъ которыхъ съ однимъ, около половины IX вѣка, вели войну Аскольдъ и Диръ, а съ другимъ воевалъ Олегъ въ то самое время, когда записка о дѣлахъ его, оконченная словами: „а съ Ульци и Тивьрьцы имать рать“, была отправлена по назначенію, и если притомъ эти два народа упоминаются еще каждый отдѣльно въ двухъ другихъ извѣстіяхъ, и къ тому же еще съ указаніемъ особаго мѣста жительства того и другаго изъ нихъ, то можно ли въ виду такихъ показаній считать которое-либо изъ двухъ именъ—Угличи или Ульци, опискою вмѣсто другаго? Очевидно, что это имена двухъ разныхъ народовъ, дѣйствительно существовавшихъ, которые, какъ увидимъ, состояли между собою въ близкомъ родствѣ, и по своимъ жилищамъ, были близкими сосѣдами.

¹⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1874 г., июнь и июль.

Въ какой же именно мѣстности на нижнемъ Днѣпрѣ жили первоначально Угличи? — Вопервыхъ, выраженіе „по Днѣпру внизъ“ въ устахъ жителя Кіева, можетъ указывать только на мѣстность, лежащую внизъ по Днѣпру не очень далеко отъ Кіева, никакъ не дальше пороговъ. Слѣдовательно, еслибъ Угличи жили за Днѣпровскими порогами, на самыхъ низовьяхъ или близъ устьевъ Днѣпра, то указаніе занимаемой ими мѣстности было бы, по всей вѣроятности, иное, болѣе точное, ибо подъ выраженіемъ „по Днѣпру внизъ“ нельзя разумѣть низовьевъ или устьевъ Днѣпра, и во вторыхъ, если Аскольдъ и Дирь, владѣя Полянскою землею, вели войну, какъ говоритъ современникъ, — только съ Древлянами и Угличами, и если Игорь, тотчасъ по вступленіи на престолъ, также долженъ былъ воевать съ этими двумя врагами, то надо полагать, что Угличи были такіе же близкіе сосѣди Полянамъ на югѣ, какъ Древляне на сѣверо-западѣ, и что тѣ и другіе, какъ ближайшіе хищники, тревожили Полянскую землю своими набѣгами при Аскольдѣ и Дирѣ и боролись съ ними за свою независимость до времени Олега; покоренные же Олегомъ, они тотчасъ, по смерти его, первые отложились отъ Руси, но вскорѣ были снова покорены Игоремъ и Свенгелдомъ. Что же касается мнѣнія Надеждина, будто Угличи были кочевые обитатели мѣстности въ пѣнѣшной южной Бессарабіи, называвшейся *Уломъ*, и будто они, покидая по временамъ свой „завѣтный Уголь“ и кочуя по черноморской равнинѣ, доходили перѣдко до Буга и до нижняго Днѣпра, гдѣ, будто бы, и воевали съ Русью, то это чистая фантазія, явно противорѣчающая всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ. Если исторія вовсе не знаетъ никакихъ Славянъ въ кочевомъ состояніи, если Венеды у Тацита, въ первомъ вѣкѣ, рѣзко отличаются отъ кочевниковъ Сарматовъ и своимъ образомъ жизни болѣе походятъ на Германцевъ, если Славяне и Анты у Юрпанда и Прокопія, въ VI вѣкѣ, также не кочевники, хотя и живутъ разбросанно, среди лѣсовъ и болотъ, занимая своими жилищами неизмѣримое пространство земель къ сѣверу отъ Дуная и Чернаго моря, то откуда же въ IX вѣкѣ на берегу Чернаго моря, въ такъ называемомъ Углу, между устьями Днѣстра и Дуная, кочевые Славяне—Угличи? И какъ могли эти мнимые кочевники разгуливать отъ Дуная къ Днѣпру и обратно по той самой равнинѣ, на которой въ томъ же IX вѣкѣ, по свидѣтельству нашей лѣтописи, существовало еще многочисленное осѣдлое населеніе славянское, со многими городами?... А Угличи нашего сказанія, сидѣвшіе „по Днѣпру внизъ“, развѣ кочевники? Вѣдь они сидѣли въ

городахъ, какъ видно изъ выраженія: „и не въдадѣшеться *единъ* градъ, именованъ Пересѣченъ“; значить, у нихъ были и другіе города, кото-